

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВХОД — РУБЛЬ, ВЫХОД — ДВА

Глава 1

БОЛЬШАЯ ЧЕТВЕРКА

Когда я выхожу по утрам из дома, мне хочется петь. Иногда хочется так сильно, что я еле себя сдерживаю. Особенно если на улице весна или теплое солнечное лето, позволяющее мне демонстрировать лучшие платья. Я счастливый человек! Когда из динамиков моего автомобиля звучит Линда, за лобовым стеклом — солнце, а на дорогах Москвы нет пробок, я сразу чувствую — жизнь удалась. Конечно, я не пишу эти слова черной икрой по красной, но в принципе у меня все хорошо. Мне двадцать пять лет, у меня хорошее образование, работа и прочие составляющие сладкой жизни. Кроме того, на свете достаточно людей, испытывающих периодическую потребность набрать номер моего мобильного телефона и сказать:

— Привет, Ларка. Как дела?

— Отлично, а у тебя как? — отвечаю я всем подряд, хотя далеко не всегда меня это действительно интересует.

— Спасибо. Тоже нормально. Пошли вечером в клуб?

— А что там?

— Будут «Мультфильмы». Пойдешь?

— Я не фанат «Мультфильмов», ты знаешь, но почему бы и нет, — соглашаюсь я. Когда еще, если не в двад-

цать пять, плясать до упаду в ночных клубах? Разве захочется мне в семьдесят лет пропить ползарплаты, заказывая исключительно текилу? Я хожу на вечеринки, неплохо осведомлена о театральных премьерах и не ударю в грязь лицом в ресторанах.

— С вами приятно иметь дело, — говорят мне на работе клиенты. Они платят деньги, часть которых шеф платит мне. Это позволило мне неделю назад сменить старые «Жигули» на маленький французский автомобильчик красного цвета. «Пежо 206», малолитражка, настоящая городская машина. Дорогая, довольно редкая, но очень, оч-чень красивая и удобная. Когда я пролетаю на ней по широким столичным дорогам, все вокруг провожают меня завистливыми взглядами. Впрочем, тут я немного загнула. Я же не вижу, какими взглядами они меня провожают. Вполне допускаю, что они плюют мне вслед.

— Совсем зажрались, проклятые буржуи. Не могла эта стерва выбрать машину поскромнее? Ишь, кровавая какая окраска.

— Да небось спит с каким-нибудь бандюком!

— Конечно, откуда у нее свои-то бабки?

— Такие-то деньжищи! — И плюют себе под ноги.

А что, очень может быть. Почему-то наш многосложный народ не может допустить мысль, что молодая, красивая девушка сама зарабатывает себе на автомобиль, квартиру и ежегодный билет в какой-нибудь прекрасный уголок планеты. А меж тем все это именно про меня. Мои родители — самые обычные люди. Папа — инженер, потерявший любимую работу в пожарище перестройки. Теперь он два раза в неделю охраняет ав-

тостоянку, поливает грязью демократов, ругается на рынке из-за цен и допекает мою маму. Мама — Женщина с большой буквы, всю свою жизнь посвятила мне. Растила, кормила, любила, воспитывала. Помогала делать уроки, вставала в шесть утра, чтобы успеть приготовить нам с папашкой завтрак. Всегда буду благодарна ей за то, что в нашем доме не переводился компот. И не какой-то там консервный суррогат, а настоящий, свежесваренный и остуженный на подоконнике компот из сухофруктов. Сколько бы я его ни выпивала, мама варила новый.

За нашим кухонным окном папа прибил кормушку для снегирей, и зимой часто я обедала с ними вместе. Они клевали пшено, которое подсыпала заботливая мама, а я сидела за столом возле окна, «клевала» котлету и смотрела на снегирей. Птички привыкли ко мне и не стеснялись. В общем, детство мое было теплым и уютным, но вот уж богачами мои родичи не были. Так же, как и все, высчитывали деньги на санки или новые джинсы. Вместе со всей страной ждали аванса и полочки. В то время вообще было принято быть как все.

И любовничком-олигархом мне к двадцати пяти годам обзавестись не удалось. Сказать, что я обделена мужским вниманием, — было бы погрешить против истины. На светофорах на меня оборачиваются очень часто.

— Девушка, а что вы поддельваете?

— Жду зеленого!

Такие диалоги раньше случались чуть ли не каждый день. Впрочем, обычно подобные знакомства ограничивались предложением перепихнуться по-быстрому

на заднем сиденье автомобиля. Поскольку я противник случайных связей, то в конце концов перестала реагировать на бибикание и улюлюкание. А французский автомобиль я купила после того, как мне удалось сдать экзамен в коллегии адвокатов. Шесть долгих лет, с восемнадцати до двадцати трех, я грызла гранит науки в юридической академии, а потом с дипломом в зубах и в страшно неудобном деловом костюме, единственном на тот момент, штурмовала московские юридические консультации в поисках работы.

«У меня есть диплом, я исполнительная, знаю компьютер, могу работать без выходных и перерывов на обед. Не против секса с боссом». — Таким было мое резюме и, несмотря на то что молодых голодных юристов и без меня было предостаточно, я нашла-таки себе козырное место. Ленинский проспект, роскошный офис на первом этаже длинного красивого дома, почти свой кабинет. Почти, так как нас, помощников адвоката, было трое, как и столов в кабинете помощника адвоката. И босс — адвокат Рафик Иванович Аганесов, очень волосатый армянин лет сорока пяти, который заинтересовался последним пунктом моего резюме.

— Доченька, это не очень хорошо — встречаться с женатым мужчиной. И потом, он же твой начальник. Что ты будешь делать, когда он тебя бросит? — причитала мама, когда я в очередной раз отправлялась на работу в короткой кожаной юбке.

— Что делать, мама? Это же такое место, и он не так уж плох. Настоящий мужчина, немножко только чужой. И потом, когда он меня бросит, многое станет проще, — отвечала я и не кривила душой.

Аганесов был галантен, водил по ресторанам, снимал номера в очень приличных гостиницах и прибавлял мне зарплату соразмерно нашему духовному сближению. Когда же наконец его беспокойный взор отвернулся от меня и приковался к ногам новенькой секретарши, я окончательно покорила его своим прагматичным и разумным отношением к особенностям мужской психологии.

— Милый Рафик, я никогда не надеялась стать женщиной твоей жизни. Тем более что у тебя есть жена и четверо детей. Но мне было с тобой хорошо, и ты многому меня научил. Мы прекрасно работаем вместе, и я всегда готова прикрыть тебя перед женой. Так что увольнять меня нет никакого резона.

— Но тебе не будет больно видеть рядом со мной другую? — уточнил он.

— Нет. Я желаю тебе счастья, как, впрочем, и себе, — заверила я Рафика и осталась помощником адвоката в его конторе. А это не так мало. Особенно теперь.

Когда я изъявила желание сдать квалификационный экзамен, Аганесов вспомнил былое и дал мне такие рекомендации, что корку адвоката мне выдали с первого раза. И вот тогда, на радостях и предвкушая будущие гонорары, я приняла решение купить в кредит на пять лет мой красненький автомобильчик. Маленький, но ведь мне там не роту солдат возить. Конечно, перспектива пять лет ходить в Сбербанк и отдавать свои кровные не очень впечатляла, но копить, отказывая себе во всем, при этом продолжая дергать рычаг отечественной коробки передач, было еще более невыносимо.

— Обмоем? — предложила я своим самым близким подругам числом три штуки.

— Еще бы! — закивали они. Я буквально видела, как они облизнулись.

— Куда изволите? — спросила я, прикидывая, как бы выгул подруг не обошелся мне дороже первого взноса за автомобиль.

— А поехали в тот пансионат, куда тебя Рафик возил, — не постеснялась общественность.

— Здрости-мордасти, вы в своем уме? Это ж бешеные бабки.

— А ничего не знаем. Хотим природу, хотим баню на берегу Дубны. Хотим текилы, — отрезали подруги.

Единственное, в чем мы достигли консенсуса, это то, что за номер в дорогом пансионате заплатим на паях.

— Но баня и выпивка — за твой счет.

— Тогда вы обязаны сделать этот вечер незабываемым! — отрезала я и поехала в банк за наличными.

И вот мы мчимся по Дмитровскому шоссе в красивый пансионат. Я за рулем, рядом моя самая любимая сокурсница Дашка Зайницкая, девушка солнечная и теплая. Сидит, щелкает кнопками радиопрограмм и улыбается.

— У тебя есть «Серебряный дождь»?

— «Дождь»? Нет. Я не люблю, когда много новостей и умных разговоров. Мне умных разговоров хватает на работе.

— А что ты тут нашла? Какой-то тяжелый рок, фу.

— Это «Максимум». Между прочим, самая прогрессивная радиостанция, — обиделась я.

Но Дашка переключила на «Хит-FM» и стала рассказывать про перипетии своего многотрудного коллектива. Она работала охранником в штате службы безопасности иностранного посольства. Как и при каких

обстоятельствах она, девушка с высшим юридическим образованием, облачилась в армейскую форму — отдельная песня. Но работа ее была столь разнообразно идиотической, что Дашке всегда было о чем рассказать.

— Так вот, когда мы сидели на проходной, пришел проверяющий. Мишка читал Маринину, я дремала, уткнувшись в какие-то папки с бумагами на столе.

— И что?

— Проверяющий зашел и рывкнул мне: «Доложите обстановку». Смотрит волком, словно ему только что понизили зарплату. Такая сволочь!

— А ты?

— А что я могла? Ведь совершенно очевидно было, что я сплю, а он читает.

— Кто? — не поняла я.

— Мишка, мой напарник. Ну, думаю, сейчас нам с ним на пару устроит сладкую жизнь этот хрен.

— Почему?

— Запрещено.

— Что именно? Спать? Или читать?

— Все, — сделала страшные глаза Дарья.

— А что надо делать? — усмехнулась Марго, которая к работе Зайницкой относилась в высшей степени презрительно.

— Исполнять служебный долг. Бдеть.

— Понятно... — протянула я. — А дальше что?

— Я продрала глаза и смотрю на этого хрена с горы так честно-честно. И рапортую: «Изучаем должностную инструкцию». Он прямо подавился от злости. Говорит: «Где же она?» А она и лежала в той папке, на которой я закемарила.

Тогда он подскакивает к Мишке и шипит: «Читаешь? А ты что, забыл, что это запрещено? Предупреждение с занесением заходет?»

— И вклеил?

— Ну шаз. Я подхожу и говорю ему, что, мол, никак нет. Никто не читал на рабочем месте. Он пояснял мне, как следует трактовать должностную инструкцию в тех или иных случаях.

— А Маринина зачем?

— Ага! Вот и он спрашивает — зачем, мол? И тут я выдаю коронное: Михаил использует данную книгу как пособие для демонстрации.

Дашка рассмеялась, видимо, вспомнив выражение лица проверяющего, а я задумалась. Интересно, каким пособием может служить книга? А, ладно, все чушь.

Я снова уперлась взглядом в дорожное полотно. У Дашки на работе настоящая армия. Как она выдерживает это — непонятно. Но ради такой зарплаты, которую платит импортный дядя, люди способны проявлять чудеса терпения.

— Чем закончилось-то?

— Проверяющий вытаращился на меня, что-то пробормотал себе под нос и уполз. Гнида. Зато теперь я для всех ветеранов охраны — своя в доску. Не сдала товарища. Правда, этот на нас окрысился.

— Увольняйся. На хрен тебе такое терпеть? — вставила свое веское слово с заднего сиденья Маргарита, девушка больших внешних и внутренних достоинств.

У Маргариты никаких проблем с самооценкой, она у нее достает до облаков. Нам всем до нее далеко. В институте в нее перевлюблились все мальчишки с потока.

Всегда роскошно одета, со вкусом накрашена. Мне рядом с ней несколько неуютно, так как всегда найдется то сломанный ноготь, то пятно на юбке. Да что там, порой и вовсе ни капли макияжа и лицо помятое, заспанное. Позор.

— А жить как? — уточнила Дашка этот самый скользкий при потере работы момент.

— У тебя же муж? Его задача — обеспечить тебе достойный уровень жизни, — сказала как отрезала Марго.

Дашка вздохнула:

— Он обеспечит, как же.

— Да ладно вам, девки. Чего вы нагружаетесь? Мы едем в лес, на природу, а вы тут кислитеесь, — принялась снимать напряжение Алина.

Сколько ее помню, она всегда снимала любое напряжение. Расслабьтесь — ее главная жизненная рекомендация. Когда мы учились в институте и дрожали перед экзаменом по административному или еще какому-нибудь праву, Алина улыбалась, пила кока-колу и говорила нам:

— Расслабьтесь. Очень надо кому-то вас валить.

Самое интересное, что в основном она оказывалась права. С ней было весело, именно она чаще всего вытаскивала меня на разные вечеринки, пати и сейшены. Чего только мы не творили, когда с нами была Алина.

— Пошли выпьем по стакану водки и перетрахаемся со всеми, с кем успеем, — это был ее жизненный девиз. — А что ж, молодости просто так проходить? Следовать нормам морали будем после пятидесяти.

— Да ты от триппера раньше загнишься, — корили ее мы.

Но какие из нас воспитатели, если сами были хороши. Так что мы гармонично принимали Алинкину распушенность, которая, впрочем, проявлялась больше на словах.

— Расслабьтесь. Подумайте о Дубне, о банщиках, о шашлыках, — попробовала она разрядить обстановку.

— И о том, что все это за счет Лариски, — подлила дегтя Марго.

— Будешь высказываться в таком духе, я тебя высажу прямо посреди этих бескрайних полей. Будешь у русского поля как тонкий колосок, — напугала я ее.

Марго ни черта не напугалась и продолжала меня дразнить до самого пансионата.

Пансионат принял нас в свои стильные индейские объятия. Было около пяти часов вечера, я дико наслаждалась роскошной машинкой, и никакие мелкие подзуживания старых подруг не могли сбить меня с толку. Я аккуратно припарковала ее около забора, и мы пошли оформляться.

Каждый раз, когда я попадала в этот пансионат, мне хотелось остаться здесь навсегда. Впервые меня привез сюда Аганесов. Я была потрясена, когда из глубины русской деревни с ее покосившимися домишками и пьяненькими мужичками на лавках около пивнушки вдруг вынырнули роскошные белые здания в стиле Индианы Джонса. Тяжелые дубовые двери, резные балконы, повсюду чучела то птиц, то волков. Индейские национальные наряды. Красота, покой, сосны до небес и настоящий заграничный сервис. Мини-бары и обслуживающий персонал были везде. Буквально, если бы мне захотелось в лесу поесть земляники, мне бы ее тут же подали вместе с чеком. И зимой тоже, как мне кажется.

Аганесов бегал за мной два дня, постоянно пытаюсь заманить в номер. Но любовные утехы мне к тому времени страшно осточертели, и я уклонялась от них путем посещения всех возможных увеселений пансионата.

— Господи, какая красота! — воскликнула Алина. — Здесь небось и мужики водятся!

— Ты можешь хоть раз в жизни провести время с нами? — возмутилась я.

— Да брось ты. Что мы будем делать с неудовлетворенной Алиной? — утихомирила меня Дашка, и мы пошли в ресторан.

В общем, мы радовались-наслаждались чудесами цивилизации, попили-поели, а поскольку у нас усов не было, то все в рот к нам попало, и после ужина мы, охая и ахая, отлеживались в номере.

— Тут пять пакетиков с шампунем. Один лишний, — пересчитала все бдительная Марго.

— Можешь забрать себе два пакетика, ты ж чистюля, — лениво промямлила я. Страшно хотелось спать.

— Я заберу три. А лучше потерпите до завтра. В бане и помоемся, — решила нашу судьбу она.

— Воистину, жить надо на природе! Какой воздух, какая свобода и чистота. Я чувствую себя восемнадцатилетней, — воскликнула Дашка.

— Эка невидаль! Вот если ты себя восемнадцатилетней почувствуешь в сорок — я пойму. А это — ерунда на постном масле.

— Язва ты, Марго.

— Это от недотраха, — промолвила я.

Все зафыркали, но что поделаешь, если я привыкла называть вещи своими именами.

В общем, провести сутки в одном номере и не перелдаться до кровавых ссадин — это тоже своеобразный подвиг для нас, но, поскольку все мы девушки серьезные и взрослые, мы выдержали. Назавтра после обеда, где-то около трех, мы сидели в бане, замотанные в простыни, и поднимали стаканы за нас.

— За большую четверку! За нас, таких красивых и умных. — Мы согласно закивали и выпили.

Дальше все вернулось на круги своя. Так получается, что, когда собирается компания, в которой больше одной женщины, разговор всегда переходит к двум темам: как похудеть и про мужиков. Причем я бы сказала, что темы эти — две стороны одной медали, но коллектив не был со мной согласен.

— Ну как же? Что в этом общего?

— Мы худеем, чтобы словить мужика, — заявляла я.

— Ну конечно. Я худею, чтобы прежде всего нравиться самой себе, — утверждала Марго.

— Мужикам на вес наплевать, — уверяла нас Даша.

— Почему это?

— Мой муж с таким удовольствием щупает меня за жир, — ухмыльнулась она, — и вообще, если верить его рукам, то задница — главное достоинство, которым я владею. А она у меня, сами знаете, не из маленьких.

— Да уж, — вздохнули мы и задумались каждая о своей заднице.

— А ты как считаешь, зачем худеть? — спросила я у Алинки.

— Худеть я не буду. Меня и так любят, — отмахнулась она и пошла строить глазки бармену из банного бара.

— Конечно, что за проблемы, если она готова отдаться кому угодно.

— Одно условие — наличие у объекта в штанах прибора, — расхохоталась я и предложила всем не мешать Алине устраивать свое женское счастье и пойти париться.

— Не вопрос, — согласился коллектив, и мы забурились в парилку. Парилка тут знатная. Чудная рубленая баня, настоящая русская печь. Широоченные деревянные полаты, стойкий аромат то ли дуба, то ли березы. Лепота.

— Почему в Москве не делают нормальные бани? — возмутилась Марго.

— А чем тебя сауны не устраивают?

— Да это как резиновая кукла. Все на месте, но любви нет. — Марго после пары стопок начала метать бесмертные цитаты.

— Кстати, Лариска, а когда ты уже замуж выйдешь?

— Тебе что, водка не в то горло попала? — возмутилась я. О замужестве я не думала и думать пока вроде бы не желала, так что Дашкин вопрос мне не понравился.

— Ну а что? Тебе двадцать пять, работа есть, перспективы радужные. Сколько же ты карьеру собираешься делать?

— А чего ты к Марго вон не пристаешь или к Алине? — возмутилась я.

— С Марго совсем другой случай, — отбрила меня Дашка.

Из бара вернулась расстроенная Алина, и все с восторгом принялись прочить мне судьбу старой девы и страшные муки одиночества.

— Вы так говорите, словно бы ко мне очередь из женихов выстроилась, а я только и делаю, что их отваживаю.

— А я тебе как психолог говорю, что, пока ты сама не захочешь замуж выйти, никто и не предложит.

— А ты вот скажи мне, психолог, как единственная замужняя среди нас дама. Ты сама сильно счастлива? А, Дашк?

— Я? — Она икнула и задумалась. — Ну а как же? Конечно, счастлива.

— Да? И это ты от счастья своего немереного каждый отпуск проводишь в Турции или Египте?

— Ай-яй-яй! Замужняя женщина, а ведь такое там вытворяешь! — кивнула довольная начатой темой Аля.

— Измена разрушает брак! — внесла свою лепту в заклеивание Даши я.

— Перестаньте, девки. Это же моя трагедия! — попыталась разрыдаться она.

Но я налила всем по стопке, и о рыданиях забыли.

Трагедия Дашки состояла в том, что при всех своих высоких моральных достоинствах муж едва дорос ей до плеча. Маленький и subtilный, он очень радовал ее как личность, но совершенно не возбуждал в постели. Даша мужественно терпела всю зиму, но по весне каждый раз начинала метаться и пытаться развестись, пока не уезжала в отпуск, где за пару недель добирала любви мускулистых загорелых красавцев. Этой инъекции хватало обычно до осени, и тогда она брала вторую половину отпуска. Так они с Георгием и жили. А поскольку сейчас была весна, а в отпуск Даша еще не ездила, трагедия стояла перед ней во всей красе.

— А нечего меня замуж гнать. За кого мне идти? — продолжила я.

— Да ты после своей волосатой обезьяны никого в упор не видишь.

— Не смей обижать моего Аганесова. Он как-никак мой шеф.

— И что? Вы разошлись больше года назад. Все давно быльем поросло.

— Что именно поросло?

— Не ерничай. Неужели легко без любви?

— Ну почему без любви? — возразила я.

И в самом деле. Во-первых, после интеллигентного, но ненасытного Рафика мне требовался большой перерыв для восстановления. Во-вторых, я время от времени встречалась с одним влюбленным в меня мальчиком. Мы познакомились в юридической академии около полугода назад. Я пришла туда узнать об экзаменах в коллегии адвокатов, а он в этот день сдавал криминологию. Мальчик выскочил из аудитории и заорал, как индеец, который только что содрал с кого-то скальп. Я улыбнулась и спросила:

— Пять?

— Три! — гордо ответил он. — Но и это чудо!

— Молодец, — одобрила я. И вроде бы ничего я такого не планировала, однако через полчаса мы с ним сидели в кабачке неподалеку и пили кофе.

— Сережа, — представился он.

— Лариса Дмитриевна, — представилась я, после чего он посерьезнел и принялся целовать мне руки.

Вечером того же дня он проводил меня до дому, а на завтра мы с ним уже целовались в каком-то кинотеатре. Романтика. Он даже хотел на мне жениться.

— У нас будет двое детей. Ты не против? — спрашивал он.

Но я не обольщалась. Фамилия этого Сережи заканчивалась на «енко», еще пару лет назад он протирал штаны в одиннадцатом классе харьковской школы на Украине. Так что перспектива жениться на юристе с автомобилем, из Москвы, могла быть и не связана напрямую с его большим и светлым чувством. Хотя... Он был обаятелен, я чертовски обаятельна. И, как говорится, ничто не препятствовало. Однако об этой связи я подругам не рассказывала, поскольку не считала ее серьезной. Сережа писал мне стихи и посылал их по SMS. Я улыбалась и писала очередное исковое заявление. Годы учебы в юридическом вузе, а особенно последующая трудовая деятельность у Аганесова убедили меня в том, что брак — дело серьезное и к любви имеющее крайне отдаленное отношение.

Первое же дело, которое мне поручили, было связано с разводом. Расставалась пожилая пара, дорастившая своего отпрыска до отметки дееспособности и решившая более не проедать друг другу плешь. В этом вопросе у них было полное единение. Однако отсутствовала какая-либо договоренность относительно дележа нажитого имущества. Супруга, очарованная напором и мужским обаянием Аганесова, поручила раздел имущества нам.

— Ларочка, составьте опись имущества, найдите свидетелей и выясните требования этого изверга, — через плечо бросил мне Аганесов, и я впервые в жизни погрузилась в разборки разводящихся супругов.

Таких скандалов и оскорблений я до той поры не слышала. А поскольку работа в направлении уголовного права меня с детства пугала, то разводы наряду с прочими гражданскими исками стали для меня нормой жиз-

ни. К слову сказать, та семья так и не смогла найти консенсус. Нам оставалось около года вытрясать из мужа бабки наличными. А когда мы с судебными приставами забрали его автомобиль, он чуть не рыдал.

— Извините, девочки, но я даже не знаю, что должно произойти, чтобы я захотела замуж, — честно сказала я, а про себя подумала, что уж лучше встречаться со студентом раз в неделю, чем потом делить бензопилой мой «Пежо». Хотя он куплен до брака, и делить не придется. Но вообще, штамп — взрывоопасная штука, с которой надо иметь дело только в крайних случаях.

— Да что тут непонятного. Должно произойти одно. Он должен быть богаче тебя настолько, чтобы от развода выиграла ты.

— Такого я еще не встретила. За все двадцать пять лет, — констатировала я.

— А Аганесов?

— У Аганесова четверо детей.

— Ну и что? Надо было развести!

— Ну конечно. И потом жить в ожидании той, которая разведет меня с ним. И вообще, я не так стара, чтобы хвататься за соломинку. Будет еще на нашей улице праздник, — заявила я и почувствовала, что две стандартные темы для обсуждения на женских посиделках меня достали.

Я предложила пойти и обмыть колесики моей машинки. Дальнейшее мы все помним с трудом. Остатки водки мы вылили на колеса, а потом пошли в бар. Кажется, я стояла под оленьими рогами, а Дашка фотографировала меня. Алина с нами в номере не ночевала. Не уверена, что она ночевала в пансионате, так как вновь

мы увидели ее только после обеда. Практически перед отъездом она вернулась заспанная, с размазанной тушью, но очень счастливая. А об остальном говорил счет. Когда я его увидела, чуть там же и не кончилась. В конце концов, я, как начинающий адвокат, обремененный кредитом, да еще и без мужа, резко потребовала от подруг участия в оплате. После долгих воплей они покорились моей профессиональной логике и достали кошельки. Правда, Алина только пообещала заплатить, так как денег с собой у нее не оказалось.

— Знаю я тебя. Никогда не заплатишь, — буркнула я, но она лишь упрямо тряхнула головой.

Мы уехали домой. Мама, встретив меня в прихожей, встревоженно посмотрела на мое помятое лицо и повела меня кормить.

— Ну, как отдохнули?

— Отлично, — скривилась я, запивая аналгин компотом.

— А мужчины с вами были?

— Не волнуйся, не было, — по привычке утешила я ее.

— А я волнуюсь, что их никогда с вами нет, — вдруг прошипела мама и покраснела.

— То есть? — изумилась я.

— Я, доченька, знаешь ли, хочу внуков понянчить. Ты ж у меня одна.

— Да еще нанянчишься.

— Когда?.. — с тоской протянула она и затеребила полотенце.

— Ну... какие мои годы.

— Я знаю твои годы. Когда мне было двадцать пять, ты уже в садик пошла.

— Ты ж понимаешь, у меня карьера. Работа. И потом, хорошего мужика сейчас найти практически нереально.

— А ты будь повнимательней. Не требуй многого.

— Мама! — закричала я, чуть не подавившись сыром.

Мама замолчала и ушла к себе. А я отправилась в свою девичью светелку. Кровать, шкаф, в котором все перевернуто вверх дном. Письменный стол, на котором мирно сохнут прошлогодние огрызки. Ну и какая из меня жена? Я за всю долгую жизнь с мамулей даже компот варить не научилась. Что они от меня хотят?

Глава 2 НА ЧУЖОМ ГОРЕ...

На мой день рождения никогда невозможно было собрать людей. Все детство я страдала от этого невыразимо и смертельно завидовала девочкам, у которых мамы и папы были людьми и родили их где-то в течение учебного года. На их даты нас сгоняли всем классом. Родители встречали нас в коридорах захламленных московских квартир, отбирали коробочки с подарками и принимались угощать свежее испеченными пирогами и газировкой. Именинники устало разглядывали подарки, я с тоской пересчитывала их количество. Пятнадцать-двадцать коробок и кульков, не меньше.

«Вот бы мне так же», — вздыхала про себя я и шла домой.

Моя дата «икс» пришлась на самую середину лета, на пятнадцатое июля. В лучшем случае я бывала в этот мо-

мент на даче. Тогда мама давала добро на созыв всех дачных ребятишек, и мы весь день весело гонялись друг за другом по участку. До сих пор у меня на даче хранятся подаренные: доска для разделки овощей, книга «Темино детство» (про одного скучного революционного мальчика) и куча бэушной детской посуды. На дачах никто не напрягался дарить нормальные подарки. Меня это не слишком смущало. Подарки мне дарили папа с мамой. Хуже было, когда праздник отмечали в Москве. Пятнадцатого июля в городе было шаром покати, просто-таки ни одного одноклассника. Папа брал меня за руку и вел в парк с аттракционами. Я до одурения кружилась по цепочной карусели, набивала пузо мороженым и требовала продолжения банкета. Однако самым поганым был третий вариант пресловутого торжества. Моя мамочка, женщина весьма интеллигентная и терпеливая, была родом из некоего городка Малоярославца. Город по названию, он фактически являлся деревней в полном смысле этого слова. И по сей день эта цитадель экологии и домостроя кишит нашими родственниками разной степени близости. Поэтому каждое лето в разные периоды меня отправляли отдыхать то к бабушке Шуре, маминой маме, то к бабушке Кате, сестре маминой мамы, то еще к кому. Разница была невелика, ибо все они жили на одной и той же улице. Я играла с деревенскими оболтусами в орлянку, они презирали меня как «городскую» и всячески издевались. И очень часто, примерно раз в два-три года, очередной день рождения приходился на период моей ссылки к родне. Тогда съезжалась вся деревня, мне дарили от всех какую-нибудь уродливую куклу, сажали напротив самодельного торта «Наполеон», смотрели и умилялись:

— Да...

— Как дети растут.

— А ведь вот еще вчера была такой крошкой.

— Ну-ка, я тебя поцелую. — Расчувствовавшись, баба Шура крепко прижимала меня к себе и слюнявила до тех пор, пока кто-нибудь еще не испытывал желания «потискать такую крошку». В эти моменты я мечтала праздновать день рождения в полном одиночестве. До сих пор не понимаю, как в подобном коллективе могла появиться на свет и вырасти моя тихая семейная мамочка. А вот компоты были малоярославской фишкой. За месяц житья в каморке второго этажа русской избы бабы Шуры я напивалась его на весь год. Странно, но он никогда не надоедал мне, как и вареная картошка с маслом, луком, зеленью и селедкой.

Что касается дней рождения, то особенно противно было смотреть, как за праздничным столом своевольно и по-хозяйски расположились деревенские мальчишки, те самые, что дразнили меня и дергали за все, за что могли уцепиться. Ели салаты, «Наполеон» и пироги. И строили мне страшные рожи, напоминая, что праздник кончится и начнутся будни.

«Уж мы тогда оторвемся», — смеялись их глаза. «С праздником, желаем счастья!» — говорили их наглые рты.

Я игнорировала мальчишек, как могла, но поскольку от природы была наделена изобретательностью и сообразительностью, то не оставалась в долгу и строила разные каверзы.

Самой удачной за все мое детство была кража одежды у купающихся. Банально, конечно, но приятно было

смотреть, как стайка смущенных и дезориентированных малышей, потеряв всю свою агрессивность, бежала по кустам от речки до самой деревни. Конечно, на такое я одна бы не решилась, но был у меня в Малоярславце верный боевой друг, единственная отрада. Его звали Пашей, он был моим не то троюродным, не то четверюродным дядей.

— Он тебе не кровная родня. Это новой жены сводного брата нашего дяди Сережи сын от первого брака, — объяснила баба Катя, хотя понятнее мне не стало. Мои логические таланты оказались не в состоянии соединить всю цепь воедино. Но поскольку даже сам дядя Сережа был для меня родней весьма отдаленной, установать нашу с Пашкой родственную связь представлялось невозможным.

Правильно говорят, что дружба рождается не на крови, а на сердце. Сколько я помню себя в деревне, столько я помню себя вместе с ним. И конечно, мы не только выкрадывали одежду моих обидчиков. Мы вместе собирали грибы, купались, в дождь сидели на чердаке и мечтали, как будем вместе... Версии менялись. То вместе учиться, то вместе ходить в походы по тайге, то работать. Ничего мы вместе делать не стали, но воспоминания друг о друге оставили самые приятные.

С тех пор как я окончила школу, я была в Малоярславце всего два-три раза. Видела тех самых деревенских мальчишек, которые лузгали семечки. Теперь они работали в колхозе, все попережились и по-прежнему вечерами собирались на лавочках на улице, только уже пили водку и лузгали семечки, как закуску. Пашка Мелков женился и уехал к жене в Серпухов. Говорили, что

он работает водителем на «Газели», перевозит стройматериалы.

— А ведь умный был парнишка, мог бы далеко пойти. Как и ты, — вздохнула баба Шура, рассказав мне все, что про него знала.

Я приехала к ней впервые за четыре года, и вид моего кровавого «Пежо» вкупе со страшным словом «адвокат» потряс старушку. Она долго ходила вокруг чуда враждебной техники, не решаясь притронуться даже пальцем. Потом с уважением посмотрела на меня и промолвила:

— Нынче не то, что давеча. Экие времена.

— Понятное дело, — кивнула я и пошла пройтись по лесу.

Ужасно люблю гулять по лесу и не боюсь ничего. С детства угрюмая тень деревьев и заросли колючего кустарника казались мне куда более безопасными, нежели общество некоторых людей. Я шла, вспоминала прошедшие в этих лесах мои юные годы и думала в очередной раз, что ни за какие коврижки не согласилась бы поселиться здесь навсегда. Пусть хоть тридцать раз чистый воздух. Хоть как в горах. Не хочу жить до ста лет, если придется смотреть на мир тупыми коровьими глазами и питаться молоком, от которого разит навозом и коровником. Из Москвы я ни ногой.

В этом году мы с мамой были приглашены на свадьбу какой-то очередной племянницы. Обычно я пропускаю подобные мероприятия, у меня на них аллергия с детства. Однако в этот раз мамусе удалось меня уговорить. Она давила на ностальгию.

— Ведь бабушка-то не вечна. Вспомни, как она в детстве за тобой ходила.

— И что теперь? Ей охота и в молодости за мной походить? — отмахивалась я.

— Помрет, тебя не благословив, что делать будешь? — выдвинула контраргумент мама.

Я призадумалась. Но не сдалась:

— Благословит-благословит. По электронной почте, — грубо вывернулась я и уже совсем было решила, что и на этот раз мне не придется петь «Ах, эта свадьба, свадьба, свадьба пела и что-то там ела», но мама подготовилась основательно.

— Там Паша будет. Представляешь, Ларочка, как вам будет интересно посмотреть друг на друга.

— А надолго? — начала проламываться я.

— Да нет, всего на три дня, — залепетала она и принялась мне обещать, что машину она сама потом поможет, и что бензин оплатит, и что пирогов напечет.

— Я поняла, ты хочешь на «Пежо» прокатиться! — хлопнула я себя по коленке. То-то маман никак не отцепится. Это при ее-то природной интеллигентности.

А что, это и правда аргумент. Поеду выпендюрю перед всем честным народом. Пусть зеленеют. Эти деревенские мужланы ничего, кроме тракторов и «уазиков», в простонародье именуемых «козлами», и не видели.

— Интересно, Пашка привезет жену? — бросила я куда-то в воздух.

— Наверно, — равнодушно дернула плечами мама. Она своей цели достигла, и дальнейшие мои моральные мучения были ей безразличны.

И вот теперь я возвращалась из леса в дом бабы Шуры и кляла все на свете. Черт меня дернул согласиться приехать и участвовать в этой тягомотине.

— Привет. Ну и кислое у тебя лицо. Мне тоже дико не хотелось переться в такую даль.

— Пашка! — воскликнула я, когда увидела улыбающуюся физиономию друга детства.

— Ларка! Как ты изменилась.

— Ты тоже. Тебя надо в дяди Степы переоформлять. Длинный да тощий.

— Поздно. И так уже все дети во дворе дразнятся, — рассмеялся Пашка, а я подумала, что, пожалуй, преждевременно говорила, что надо валить.

И, как всегда в детстве, словно читая мои мысли, Паша изрек:

— Я поначалу думал, что будет страшная скучища, а теперь даже рад, что я здесь. Когда мне показали роскошную бибику и сказали, чья она, я решил, что уик-энд не будет напрасным.

— Только что я подумала то же самое, — прыснула я со смеху. — И вообще согласилась сюда приехать, только когда узнала, что ты здесь будешь. Ты с женой?

— Нет. Она не захотела ехать в такую даль, — сказал Пашка, а я увидела, как на его открытое улыбающееся лицо легла тень.

— Что-то не так? — спросила я на всякий случай, испытывая неземное удовольствие от того, что после стольких лет мы не почувствовали себя чужими людьми. Мне, откровенно говоря, было совершенно все равно, что не так у него с женой. Как и все детство, я чувствовала его своей собственностью. Своей, и больше ничьей.

— А, вот и они. Что я вам говорил, не успели приехать, как уже вместе откуда-то прутся, — забасил чуть

подвыпивший дядя Сережа. Он имел право, именно его дочка выходила замуж сегодня. Если я ничего не путала.

— Прям любовь, — поддал откуда-то незнакомый мне плюгавенький мужичонка. Поддал и уставился на мою грудь.

— Ларочка, надела бы ты платок, деточка. Простудишься, — подскочила баба Катя. Она явно пыталась закрыть чем-нибудь мое вызывающее декольте.

Я рассмеялась.

Родня начала стекаться, и я подумала, как бы мне все это пережить.

— Я буду рядом, — прошептал мне на ухо Павел. Прошептал чуть склонившись, так как оказалось, что он выше меня чуть ли не на полторы головы.

Я расправила плечи. По крайней мере, сегодня я буду рядом с красивым и молодым мужчиной, который смотрит на меня теплым и понимающим взглядом. Не так уж и мало.

Мы много ходили в тот день. Дошли до местного загса, где долго звенели стаканами под крики «Горько!» и предложения расписаться в книге актов гражданского состояния. А поскольку в ближайшие три дня мне не надо было садиться за руль, я решила расслабиться и весело хохотала, чокаясь с Пашей граненым стаканом, в который лили то дешевое шампанское, то какую-то местную политуру народного производства. Ее я старалась выливать, но иногда не успевала и выпивала.

— Лариса Дмитриевна, это не для дам, простите, — извинялся дядя Сережа.

До церкви, где, по традициям деревни, Галю должны были обвенчать с ее суженым на веки вечные, надо

было идти около сорока минут. Мы с Пашей смотрелись неплохо, так как не были обременены ни горячительным, ни закусками. Хуже всего пришлось невесте. Ей надо было изображать неземное счастье, прогуливаясь легким шагом по тридцатиградусной жаре в туфлях на десятисантиметровом каблуке, в фате и полиэстеровом платье с таким длинным шлейфом, что приходилось его поднимать.

— Бедняжка, — покачала я головой, наблюдая за невестой.

— Да уж, — согласился со мной Пашка, и мы не сговариваясь прыснули.

— Ш-ш-ш... — зашипели родственники.

В церкви было прохладно, что радовало, и тесно, что огорчало. Я практически ничего не видела. Только вдыхала ладан, крестилась вместе со всеми и ждала, когда же все закончится.

— Хочешь, я тебя к себе на плечи посажу? — шепнул мне на ухо Павел.

— Зачем? — затупила я.

— Чтобы не пропустить шоу. А то у тебя места на галерке.

Я расхохоталась в голос и тут же заткнула в себя этот смех. Я так и представила, как сижу у Пашки на плечах, машу флажком с какой-нибудь церковной символикой и кричу: «Горько-горько!»

— Нет, спасибо, — чинно ответила я. — Лучше расскажи, что там происходит.

— Изволь, — улыбнулся он и начал зверски меня смешить, в лицах изображая таинство венчания: невесту, жениха (похожего на агнца, которого принесут

в жертву) и батюшку, доброго неторопливого старика, с удовольствием обрабатывающего все положенные молитвы.

К концу обряда я думала, что нас с Пашкой выведут вон, как школьников, за аморальное поведение. Но все обошлось, и к вечеру мы оказались за праздничным столом, на котором самогон закусывали селедкой и пирогами. Прямо как на моем дне рождения.

Невеста была похожа на линялую тряпку, так она устала. У нее не было сил даже целоваться. А у жениха не было не только сил, но и желания. И самого жениха, в общем-то, тоже не было. По старой русской традиции, он напился и спал в углу на стульчике. Никого это не удивляло. Включая невесту. Меня это тоже не удивляло.

Я поражалась, как два удивительно похожих, таких удивительно подходящих друг другу человека могли потеряться и не общаться все эти годы. Чем дальше, тем становилось очевиднее, что мы с ним понимаем друг друга с полуслова. Мы с Пашей.

— Расскажи о своей работе, — сказал мне Паша, когда мы отсидели положенные часы празднества и собрались уйти.

Старейшины рода напились и перестали интересоваться, с какими отметками мы окончили «восьмилетку». Школу тут называли только так, и никто не желал знать, что я отучилась все одиннадцать.

— И в институте училась? Надо же! А почему ты не замужем? — спрашивали меня все подряд, словно в институте только и делают, что подбирают женихов.

— Пока не спешу. Занимаюсь карьерой, — отвечала я.

— А деток чего не заведешь?

В конце концов от этих вопросов я стала покрываться пятнами. Так и слышала, как на следующий день в деревне будут говорить, что «в этой пигалице, видать, скрытый дефект. Вот никто замуж и не берет, несмотря на автомобиль. А может, вообще чем-то больна».

— Хочешь погулять? — спросил Паша.

Я обрадованно кивнула, посмотрела через стол на орущую толпу родни и быстренько пробралась к двери.

— Куда пойдем? — спросила я, чувствуя странные приливы удовольствия при взгляде на Павла.

— Куда скажешь. Хочешь, пошли к реке.

— Будем купаться? — встрепенулась я. Совсем не подумав о жаре, я не взяла купальник, о чем теперь очень пожалела.

— Я бы с удовольствием. Только я без плавок. Ты не упадешь в обморок при виде голого мужчины? — спросил Павел и посмотрел на меня так, что я тут же чуть не упала в этот самый обморок. Посмотрел на меня взглядом, в котором читалось, что между нами возможно все.

— А ты как, переносишь темнеющие на фоне вечерней воды контуры голого женского тела? — с вызовом спросила я.

Павел кивнул и поцеловал меня.

— А как же...

— Молчи, — сказал он, и я замолчала.

Действительно, бог с ней, с женой. Я же не замуж за него иду, а так, целуюсь, и все. Я объяснилась со своей совестью, мельком подумала про студента Сережу и отдалась процессу. Ночь, алкогольные пары, взаимная приязнь сделали свое дело, и мы целовались, как сумасшедшие, на берегу реки. Комары, байдарочники

и местная молодежь сделали свое и не дали нам довершить наше грехопадение.

— Вот черт, я так давно тебя не видел, а эти уроды не дадут поговорить по-человечески, — злился Паша.

— Поговорить? — улыбалась я, с удовольствием отметив, что у меня от этих «разговоров» начинают болеть губы.

— Я даже не представляю, как мог без тебя жить все это время.

— Я тоже, — сказала я, но про себя призналась, что о Пашке все это время не вспоминала вовсе.

— Что же нам делать? — спросил он.

Я подумала было предложить ему на выбор любой из местных мотелей, но оказалось, что Пашка имел в виду не это.

— Мы с женой удивительно плохо живем, — сказал он и замолчал.

Я тоже молчала и думала о том, сколько мужчин рассказывают эту сказку случайно встретившейся молодой красивой женщине, чтобы примирить ее с существованием жены. Интересно, что дальше? Он живет с ней из чувства долга? Она чем-то больна, и он не может вот так ее оставить? Или все это только ради ребенка? Кстати, у него есть ребенок?

— У тебя есть дети?

— Да, — кивнул Паша, и дальнейшая версия стала проясняться. — Ты все не так поняла.

— А как я поняла? — поинтересовалась я.

А если у меня есть возможность провести приятную ночь в обществе приятного мне (женатого) мужчины, то почему я должна эту возможность упускать, заботясь

о благополучной семейной жизни какой-то неизвестной мне женщины?

— На самом деле, моя жена ни в грош меня не ставит. С самого начала.

— Почему? — Я решилась наконец-то просто поинтересоваться проблемами старого друга детства.

— Не знаю. Я ее никогда не любил, может, поэтому. Сколько мы живем, она мне как будто мстит за это.

— А зачем же...

— Затем. Так, легкий роман. Она — интересная женщина, врач, умеет себя подать. Я ей нравился, и она решила заполучить меня любой ценой.

— Идиотизм.

— Не говори. В общем, она забеременела.

— Понятно, — протянула я. Мелкий юридический черт внутри меня зашептал: «Ну, что я говорил! Ради ребенка!» Я заткнула черта и посильнее прижалась к Пашиной груди.

— Я был против, говорил ей, что это безумие, что я к этому не готов. Но она ничего не слушала.

— Родила?

— Да, — угрюмо кивнул он.

— Кого?

— Дочку. Ксению. Самое ужасное, что я ее люблю, очень люблю. И никак не могу бросить.

— Ясное дело. Но ведь так тоже невозможно, — решила я ему подыграть.

— Теперь это совершенно очевидно.

— Почему? — внутри меня все замерло в предвкушении.

— Потому что я встретил тебя.

Павел снова посмотрел мне в глаза, и я увидела в них такую боль, что мне стало страшно за себя и за него. И так как-то жутковато и сладко от предвкушения сильного чувства, которого у меня давным-давно не было. И черт с ней, с женой! В конце концов, еще раз повторю, как молитву: я ведь не собираюсь рушить семью. Тем более если Пашкина жена сама его так привязала без любви.

— А сколько лет дочке? — перевела я тему, стараясь потянуть и эту ночь, и этот миг жизни, нежданно-негаданно свалившийся на мою голову.

— Двенадцать лет.

— Красивая?

— В мать, — с горечью добавил Павел.

— Что-то не так?

— Не так. Она ее воспитала в нелюбви ко мне. Теперь дочь точно так же меня не замечает. Слова доброго не скажет и смотрит на меня глазами своей матери. Мне так больно, что я... — Он опустил лицо в ладони и застыл.

Я не знала, что мне делать. Тихонько гладила его по волосам, так же как в детстве, и молчала.

— Извини, я не хотел срываться.

— Ничего, — тоном заботливой мамочки простибегала я.

— Сегодня, когда я увидел тебя, я понял, что всегда тебя искал во всех женщинах моей жизни. Во всех лицах я хотел видеть только твое. Всегда, когда я кого-то обнимал, я обнимал тебя. И вот я тебя встретил, и ты еще прекраснее, сильнее и чище, чем я представлял себе. И я бы хотел бросить к твоим ногам весь мир, но не могу. Не могу по собственной дури.

— Ну что ты, — вырвалось у меня.

Павел вскочил и стоял, такой нелепый и такой милый. Эдакий неуклюжий карандаш. Длиннющий и худющий, с красивым лицом. Он чуть подслеповато щурил глаза, пытаясь разглядеть меня в сумраке, взъерошенный и возбужденный.

— Прости. Оказалось, что мне нечего тебе предложить.

— Мне ничего и не нужно, — успокоила я его. — Сегодня, когда я увидела тебя, мне тоже показалось, будто я нашла что-то очень родное и близкое, что и не надеялась никогда найти.

— Лара, ты не понимаешь, — глухо прорычал Пашка. — Что ты со мной делаешь! Я потеряю остатки разума.

— И пусть, — усмехнулась я.

В общем, остатки разума мы, конечно же, потеряли. И теряли их все оставшиеся два дня. Мы теряли их в лесу, звонко отгоняя от самых нежных наших мест комаров. Мы совершенно потеряли разум, а также последний стыд в старой сторожке, о которой вспомнили случайно и которая, на удачу, еще не развалилась со времен нашего детства. А когда пришло время прощаться, нам было ни капельки не совестно. Только с родственниками было немного странно общаться.

— Приезжай еще, Ларочка! — попросила баба Шура и вдруг расплакалась, когда я стояла у «Пежо».

Я тоже расплакалась, так как состояние мое было в высшей степени сентиментально.

— Благословляю, — крестила она меня вслед.

А я, как только повернула на шоссе, сначала судорожно перебрала в уме все самые запомнившиеся мне сцены. Особенно тщательно вспомнила прощальную, когда

уже утоливший так называемый любовный голод Павел нежно целовал меня куда придется и шептал:

— Ты так прекрасна, что у меня кружится голова. Вот ты сегодня уезжаешь, а я не верю.

— Я тоже не верю, — говорила я, и мне было жутко хорошо.

— Я никогда не смогу тебя забыть, поэтому не буду даже и пытаться.

— В смысле? Зачем тебе меня забывать? — спросила я.

— Ты не увиливай. Я надеюсь, ты понимаешь, что это был не просто пьяный секс на чужой свадьбе?

— Понимаю, — согласилась я. Действительно, что угодно, но не пьяный секс.

— Немедленно оставь мне свой номер телефона.

— Какого? — скокетничала я.

— Всех. Мобильных, домашних, спутниковых, рабочих. И адреса всех квартир, хаз, малин, явок и прочих мест, где я могу тебя застать. — Глаза Павла смеялись.

— Так, начнем. Кремль, Куршавель, Волен... Что там еще. — Мои глаза, видимо, смеялись тоже.

— Что у тебя с лицом? — вдруг вклинился в мои воспоминания мамин голос. Я трянула головой и посмотрела на нее. Она сидела на соседнем, пассажирском сиденье и смотрела на меня так озабоченно, словно сейчас придется измерять мне температуру.

— А что? — глупо переспросила я.

— У тебя с Пашей что-то было или нам показалось?

— Ну надо же! — восхитилась я. — Это кому, «нам»?

— Мне и бабе Шуре.

— А, понятно. Старая сплетница в строю, — разлилась я.

— Не обижайся, просто нам показалось.

— А если не показалось, что теперь?

— Но он женат!

— А я не замужем, — выпалила я и с вызовом уставилась на мать.

— Доченька, даже если бы Паша был свободен, я не была бы рада.

— Интересно, почему?

— Он мне не нравится.

— ПОЧЕМУ? — заорала я, не контролируя себя.

— Он не сделает тебя счастливой. Я это чувствую.

— Тогда понятно, — расслабилась я.

В конце концов, ей никогда не нравились мои мальчишки. Дай ей волю, она отдаст меня за выпускника духовной семинарии. Я не вижу в этом ничего плохого, но, согласитесь, не очень подходящая пара — бабушка и адвокат с бульдожьей хваткой и кощевой алчностью. И вообще, может быть, Паша мне не позвонит. Тогда и проблем не будет, успокоила я себя. И сразу стало так легко! Мы просто хорошие старые знакомые, просто провели вместе прекрасный уик-энд.

Глава 3

...СВОЕ СЧАСТЬЕ...

Будни навалились на меня со всей очевидностью. Голова болела от работы. Я, конечно, ее люблю, но, если бы мне сказали, что я могу не работать, а кто-то добрый и щедрый сверху будет посыпать меня купюрами, я бы согласилась. А что? Это вовсе не значит, что я легла бы

на диван и стала проводить время жизни, поедая картофельные чипсы у голубого экрана и стараясь предугадать очередной поворот тугой и неторопливой реки мексиканского сериала. Многие так и поступают, но не я. Я нашла бы другие занятия, поинтереснее. Я бы долго и тщательно ухаживала за собой. Я бы со вкусом, умом и смыслом покупала каждый свой наряд. А то сейчас я влетаю в магазин в перерыве между клиентами, хватаю первый приблизительно подходящий по размеру костюмчик и несусь выполнять план Аганесова. И вообще, стану рисовать, снимать кино, организовывать приемы... Да... Кто бы посыпал меня купюрами, как перцем? Дураков нет, это понятно.

В общем, я вернулась в Москву и сразу влилась в круговерть юридической рутины. Я непременно забыла бы историю с Пашей, если бы он действительно не позвонил. Но он, как это ни странно, позвонил на следующий же день.

— Лара, скажи, ты обо мне еще помнишь?

— Конечно, — кивнула я, старательно вчитываясь в текст Инструкции о порядке регистрации граждан на территории РФ. Я пыталась предположительно установить конституционность требований письменного согласия собственников на регистрацию одного из них, и, конечно, в мыслях у меня не было думать о Паше Мелкове. Но все равно мне было приятно услышать его голос.

— А чем ты занята?

— Я... э... работаю.

— Ты в суде? — Павел был явно настроен поболтать в отличие от меня.

— Да нет, готовлю один документ. А ты где?

— Я думаю о тебе. Не переставая. Я дома.

— В Серпухове?

— Угу. Мне тут очень-очень плохо без тебя. Когда увидимся?

— Я даже и не знаю... — протянула я. Паша был мне очень приятен, но втягиваться в долгий мучительный роман с женатым мужчиной я не собиралась.

— Я завтра повезу в Москву цемент. Могу потом захватить к тебе.

— Куда? — поинтересовалась я удивленно. То-то обрадуется моя мама.

— Куда скажешь, — отдал инициативу в мои руки Павел.

— Я могу, конечно, пригласить тебя к себе попить чайку. Мама обрадуется, я думаю. Только ты уверен, что именно этого хочешь? — отбрила я его. Пусть сам решает вопросы, если хочет волнующих отношений вдали от своей бесчувственной жены.

— Я тогда должен подумать, что делать, — ответил Пашка. Я не возражала. — Но я обязательно что-нибудь придумаю.

— Ясно дело, — хмыкнула я и повесила трубку.

До вечера никто не мешал мне дедуктировать относительно перспектив посудиться с паспортными службами Москвы. Однако что-то в голосе Павла показалось мне смутно знакомым. Так в сериалах моей мамы героини говорили, когда решались на что-нибудь великое. Я спокойно вернулась из офиса домой, выпила чаю и задумалась о будущем Пашиного со мной романа. Студент меня задолбал. Хороших кандидатов в мужья вокруг

нет. Если бы Паша был свободен, я однозначно рассматривала бы его в качестве жизненного шанса. Он красив, умен, в меру интеллигентен. Мы хорошо знаем и понимаем друг друга, мы нравимся друг другу. Нам хорошо в постели. Но у него жена и, что самое плохое, любимая дочь. Я никак не могу встать на пути счастья ребенка. Правда, Паша говорил, что Ксюша к нему совершенно равнодушна, но, думаю, он утрировал. Что же мне с ним делать? Если он уже позвонил, значит, появится снова.

— А почему бы тебе не закрутить роман? — резонно спросила меня Дашка, когда я позвонила ей.

— Ну а как же совесть? — загрустила я.

— При чем здесь твоя совесть? Ты, что ли, жене будешь изменять?

— Нет, — тупо признала я.

— Вот пусть твой Паша ею и мучается. Я поняла бы еще, если бы я оказалась на твоём месте. Я каждый раз совестью мучаюсь.

— Ага. Но это не спасает положения.

— Именно. Так что не пытайся обмануть инстинкты, — подвела она итог и не без удовольствия отметила, что, слава богу, теперь не одна она среди нас будет не без греха.

Звонить Алине я не стала, ее ответ был для меня очевиден: «О чем речь? Он нравится тебе? Тогда вперед...» Алина вообще не поняла бы, о чем тут рассуждать. Марго же открыла мне взгляд с другой стороны.

— Самый лучший расклад. Он с тобой спит, дарит тебе цветы и водит в кабаки, а носки с трусами, пепельницы с окурками и варку борщей ты оставляешь другой.

— Ты права, — кивнула я и подумала, что никому не обещала быть ангелом. До Страшного суда еще далеко, а кушать хочется сейчас. Только... Паша с его профессиональным шофером вряд ли обеспечит мне бриллианты и рестораны. Однако мне показалось это такой мелочью, что придраться было бы нехорошо.

Назавтра Паша позвонил в обед и предложил встретиться около моей работы. Я не возражала и в шесть часов уже маячила у подъезда, ожидая его «Газель». Меня мучил вопрос, придется ли мне кататься по городу на этом чуде отечественного автопрома или удастся уговорить Пашу поехать на моей машине.

— Какая ты солидная барышня!.. — восхитился он, увидев мой деловой костюм и не менее деловое выражение лица.

Я не без удовольствия поцокала перед ним каблучками и спросила:

— Что будем делать?

— А чего бы ты хотела?

— Из чего выбирать? Ресторан, бар, стриптиз? — пошутила я.

— Прогулка по городу, ужин на двоих в квартире моего хорошего знакомого, ночь со мной там же. Как тебе такой план? — Павел притянул меня к себе и поцеловал.

Я почувствовала себя глупой и счастливой одновременно.

— Принимается, — решила я, и мы поехали. На обеих машинах через весь город в какое-то странное место под названием Бусиново.

На северной окраине столицы располагался район, состоявший из нескольких жилых домов и огромных

труб ТЭЦ. В небе клубились пары воды. Они срастались в клочкастые низкие облака и оседали на землю мелкой водяной взвесью. Наверное, в этом месте было сыро даже в самую солнечную летнюю погоду. И лица аборигенов выражали одновременно терпение и муку.

— Вот этот дом. — Паша махнул в сторону серой от времени шестнадцатизэтажной башни.

— Слава богу, а то находиться на здешней улице мне совершенно не хочется.

— Да уж, неприятное место. Но для меня главное, что ты рядом! — Он сжал мою ладонь, и мы вошли в подъезд.

Дальнейшие события обрушились на меня со стремительностью снежной лавины. Я была готова к чему угодно, но только не к тому, что произошло в действительности. Не первый день живя на свете и хорошо зная особенности и повадки мужчин, я допускала и простой секс в командировках из Серпухова в Москву, и красивый, бодрящий, как ледяная кола, роман с обещаниями, которых никто никогда не исполняет, с подарками, которые оставляют приятные воспоминания. Возможно, даже долгую нежную дружбу с налетом эротики, но только не это. Паша, по-прежнему проникновенно глядя мне в глаза, перевернулся на чужом скрипучем диване и сказал:

— Ты знаешь, я действительно не могу без тебя. Со всем.

— Я тоже.

— Ты можешь, я вижу, — меланхолично поглаживая мою грудь, стенал он.

— Нет же, я тоже очень, очень тебя люблю, — убедительно повторяла я, сама начиная в это верить.

Вот тут он меня и огорошил.

— Я обо всем поговорил с женой.

— О чем? — Я поперхнулась слюной и истерично закашлялась.

— О нас с тобой. О том, что я люблю и всегда любил только тебя. И что теперь я никак не могу остаться с ней.

— Ты уверен? — выдавила я из себя. Я не была готова к такому повороту. Полностью лишенная привычных ориентиров, я понеслась по воле мутных бурлящих волн.

— Что ты, абсолютно. Я все время думаю только о тебе. Но...

— Что?

— Ты-то действительно меня любишь? Ты говорила серьезно? — спросил Паша и принялся целовать меня в шею.

Уверена ли я? Да черт его знает. Он хороший парень, но, если вдуматься, я его совсем не знаю. Знаю только, что он отлично целуется и что в детстве не дергал меня за волосы.

— Люблю, — выдохнула я, испытывая жуткое чувство неловкости, непонятно почему.

— Я хочу быть с тобой всегда и везде. Жить одной жизнью, с этого дня и до самой старости. Хочу решать все твои проблемы, рожать с тобой детей и вместе водить их в школу.

— Я тоже, — скорее по инерции шептала я. Голова кружилась от его поцелуев.

— Я бросил жену. Ты понимаешь, что я ради тебя оставил все?

— Понимаю. — На самом деле я совершенно ничего не понимала. Как он мог так все решить? А дочь? А работа?

— А дочь? Как она? А работа?

— Дочери я не нужен, я рассказывал тебе. А работа? Так и здесь, в Москве, работы полно. Найду что-нибудь.

«А где ты будешь жить?» — чуть было не слетело у меня с языка, как вдруг, глядя в его глаза, я осознала: он уверен, что мы будем жить вместе.

У меня окончательно сорвало башню. Никогда еще я не встречала мужчину, который с такой готовностью и с таким чувством бросил бы к моим ногам всю свою жизнь. Разве я могла этого не оценить? Разве выпал бы мне в жизни еще один шанс?

Позднее, когда я рассказала Марго и Дашке, как так вышло, что я снимаю маленькую однокомнатную квартиру на Петровско-Разумовской, они согласились — устоять под таким напором практически невозможно.

— Интересно, а он спросил у тебя, желаешь ли ты таких жертв? — поинтересовалась Марго, задетая красотой момента.

— Ну... как сказать...

— Прямо.

— Прямо — нет. Но я дала ему понять, что люблю его.

— И что? — не унималась Марго. — Если ты его, так скажем, любишь, сразу надо все бросать и кидаться в омут семейного быта?

— Не знаю. А что мне было делать?

— Надо было спокойно и с достоинством попросить время подумать.

— Ага. И отказаться, — передразнила менторский тон Марго Дашка.

— Может быть. А теперь тебе придется без всякого медового месяца переходить к семейным будням. Тебе еще не звонила его жена?

— Нет, — слукавила я.

На тот момент мы жили вместе уже месяц. Не могу сказать, что новая жизнь была похожа на сказку. После памятной ночи в Бусинове мы приехали с Пашей ко мне домой, и я сказала родителям, что мы любим друг друга и будем жить вместе.

Случился первый скандал.

— Пусть этот проходимец выйдет, я хочу поговорить со своей дочерью, — пророкотал папа.

— При всем уважении к вам, если я выйду, она выйдет вместе со мной, — отбрил папулю Паша.

Папа побледнел так, что я перепугалась и принялась прыгать вокруг него и рассказывать о том, как я люблю Пашу и как все будет хорошо. Мама сидела с грустным лицом и обреченно качала головой.

— Зачем тебе это, дочка? — спросила она меня.

Я промолчала, так как и сама до конца не понимала, зачем мне это. В конце концов Паша отвоевал право пересидеть в доме моих родителей пару недель, пока мы с ним не снимем квартиру. Он вытащил из «Газели» сумку, набитую какими-то штанами, книгами и автомобильными запчастями, и занес ее ко мне в комнату. Глядя, как Павел располагается на моей кровати, я чуть было не сдала назад и не попросила его вернуться к жене. У меня перед глазами стояла Дашка. Пьяная, вся в слезах и с вечным вопросом: почему вы не дали мне тогда от него уйти? Тогда — это еще в институте. Дашка поняла, что муж ей на фиг не нужен, но родственники,

подруги (то есть мы) и главным образом ребенок не позволили ей тут же разрубить этот узел.

Я вдруг испугалась повторить ее судьбу.

— Иди ко мне, — притянул меня по-собственнически Паша, и все сомнения вылетели из моей башки.

Наутро я должна была идти на работу. С чугунной головой, с красными от недосыпа глазами я вяло перебирала бумажки в офисе и отвратительно сухо общалась с клиентами. Мысли в голове крутились самые разные. Как Паша собирается здесь жить? На что? И где, собственно говоря? Если он ушел из-за меня от жены, я тоже становлюсь ответственной за сложившуюся ситуацию.

— Во сколько ты заканчиваешь? — ворвался в мое сознание его голос из мобильного.

— В шесть, — ответила я.

— Я за тобой заеду.

— Я на машине.

— Ах да... Тогда я буду без нее, — вышел из положения Павел.

В шесть он стоял и подпирал стену моего офиса. Мы поехали домой. Ехали молча, словно нам и не о чем было поговорить. Я поглядывала на Пашу, слегка отводя глаза от дороги. Он казался мне красивым и растерянным. Мы ехали домой. Я со своим мужем еду домой, сейчас мы зайдем в магазин и приготовим вместе ужин. Потом можно прогуляться и поговорить. И так каждый день. Разве не мечта? Разве не об этом я мечтаю уже давно?

— О чем ты думаешь? — нарушил молчание Павел.

— О тебе, — честно ответила я. — О наших отношениях, о том, что с нами будет.

— Хочешь поговорить об этом?

— Можно, — кивнула я, разворачиваясь под стрелку на светофоре, — только не сейчас. Дома.

— Дома так дома. — Он нежно погладил меня по волосам.

С кем еще я так откровенно могла бы говорить? А может, это и вправду мой шанс? Конечно, придется как-то налаживать отношения с родителями, но... в общем, стерпитя-слюбится. И надо решить вопрос с разводом, если Павел фактически уже ушел ко мне. Господи, как все быстро произошло и как необратимы перемены. Аж дух захватывает.

— Я хотел приготовить что-нибудь на ужин. Что бы ты хотела? — Мы стояли в магазине около дома.

— Я... А что ты умеешь?

— Вообще-то я почти профессиональный повар. — Он улыбнулся.

— Как это? Когда ты успел и где? Кто тебя учил?

— Сколько вопросов. Давай так. Я приготовлю то, что сам сочту подходящим, а ты оценишь.

— Согласна. — Я посмотрела на него взглядом, которым смотрят на прислугу.

Пашка засмеялся и притянул меня к себе. Я уж и не помнила, когда столько целовалась. Через пару часов я, просто в восторге от такой заботы, сидела за красиво сервированным столом, на котором дымилось какое-то сложное блюдо из мяса. Я не большой любитель мяса, но получилось и вправду вкусно. Я подумала, что на распродаже счастья мне случайно выдали главный лот дня.

— Итак, поговорим? О чем?

— О том, как мы будем жить. О том, что произошло. Я все еще не могу привыкнуть, не до конца понимаю.

— Чего? Что я люблю тебя?

— Это я допускаю. Но...

— Я люблю тебя настолько, что готов отдать тебе все. Я оставил жену и, поверь, ни на секунду не пожалел. Единственное, что может сделать меня счастливым, — это твоя любовь.

— Но как именно мы будем жить? У меня дома? Это тяжело для моих родителей, а я их очень люблю.

— Я понимаю. — Он опустил голову. — Мне бы не хотелось сразу портить нашу чудесную сказку прозой жизни, но ты права. Обо всем этом надо поговорить.

— Ведь все не так уж и просто. Ты приехал практически без вещей. И как твоя работа?

— Ее я тоже оставил. Все равно это была поганая работа.

— Почему? — не поняла я. У меня вдруг возникло странное чувство. Я подумала, как он мог жить жизнью, в которой все так погано? Как можно было терпеть поганую жизнь столько лет? А если бы он не встретил меня? И что, все это он терпел только ради ребенка, который тоже относился к нему погано?

— Это сложно понять, но я чувствую, что теперь, когда у меня есть ты, я смогу перевернуть всю жизнь. Я займусь тем, о чем всегда мечтал. Я не желаю навсегда остаться шофером, живя рядом с такой девушкой, как ты.

— Понятно. А какая у тебя мечта? — полюбопытствовала я.

— Я хочу быть дизайнером. Строить красивые дома, квартиры. Как ты думаешь, у меня может получиться? Только не смейся, ведь твоя мечта быть адвокатом когда-то тоже была только мечтой.

— Ну конечно, у тебя все получится! — бросилась я оказывать Паше моральную поддержку.

Мы плавно перешли к любви, потом действительно пошли гулять и долго, до самой ночи, вели сложные, закодированные разговоры о будущем, настоящем и о наших чувствах. Конечно, нам не будет просто. И право на счастье придется заработать. Для начала надо снять квартиру, чтобы не мозолить глаза моим родителям. Надо подыскать Паше в Москве какую-нибудь работу, чтобы он смог оплачивать текущие расходы. Пока этого не произошло, мне придется оплачивать квартиру самой (это меня сильно покорило, но чего не сделаешь ради любви). Надо найти курсы дизайнеров, куда Паша срочно пойдет учиться, чтобы как можно быстрее воплотить в жизнь свою мечту.

— Ты согласна? — спрашивал он, заглядывая мне в глаза.

Я кивала, хотя на самом деле в моей душе плескались волны отрицательных эмоций. Мне приходилось срочно перестраивать свои представления о настоящей любви под конкретного мужчину, который всем был хорош и очень нравился мне, но ради которого мне надо многим пожертвовать. Откровенно говоря, я не была уверена, что он скоро начнет зарабатывать достаточно денег и я снова смогу покупать себе дорогие тряпки и летать в Египет с Дашкой. И отпустит ли Паша меня теперь куда-нибудь одну?

— Что тебя огорчает? — Павел явно понял по моему лицу, что я расстроена.

— Я боюсь, что моих денег не хватит на все.

— Ах, вот ты о чем. Слушай, я нормальный мужик, я люблю тебя. И все мои деньги будут твоими. Только

сейчас помоги мне немного встать на ноги, и я всегда буду помнить об этом.

— Конечно, дорогой. Ведь мы любим друг друга. Какие между нами могут быть счеты! — устыдившись своей беспардонной алчности, запищала я.

Через неделю я впервые возвращалась с работы в малюсенькую однушку на первом этаже пятиэтажки в районе Петровско-Разумовской. Слава богу, у меня была машина, большинству граждан приходилось выстаивать в автобусах по сорок минут, добираясь до метро, и еще долго трястись в вагонах самой длинной и перегруженной ветки.

Паши еще не было дома, он поехал к какому-то знакомому договариваться насчет работы. Я побродила по картонно-бетонной клетке, посмотрела через низкие окна на темные ветви деревьев и села пить чай на кухне. Стены в моем новом доме были оклеены старыми выцветшими обоями. Паркетная доска рассохлась и скрипела при каждом шаге. Оказалось, что на кухне прекрасно слышны голоса обитателей всех квартир нашего стояка. Когда кто-то из них курил, запах дыма заполнял мою кухню и табаком начинали пахнуть все вещи на мне.

— Откровенно говоря, мне все это не очень нравится, — произнесла я в какой-то особенно пустой тишине. — Откровенно говоря, я не понимаю, как проживу здесь даже три дня, — проговорила я.

Паша сказал, что мы должны экономить, так как платить кучу денег за право жить в чужой квартире — глупо. Уж лучше копить на свою. Я была с ним согласна, но жить в ТАКИХ условиях... Я захотела услышать родной голос и подошла к старенькому телефонному аппарату.

Внезапно он громко и тревожно зазвонил. Я похолодела, как героиня триллера, и осторожно взяла трубку.

— Алло? — раздался незнакомый женский голос на другом конце провода

— Да, — выдохнула я.

— А Пашу можно? — осторожно поинтересовалась женщина.

Я удивилась. Мы здесь первый день, я была уверена, что женщина ошиблась номером.

— Мелкова? — глупо переспросила я.

— Естественно. — Женщина перестала говорить, как вежливая незнакомка, и включила в голосе сталь.

— А его нет.

— Вы Лариса?

— А вы? — снова переспросила я.

— А вы не догадываетесь? — грубо рявкнула женщина.

Я сразу догадалась.

— Откуда у вас этот номер?

— Какая разница? Он вчера дал его родителям, а они — мне. Вы в курсе, между прочим, что все наши надеются, что это временное помутнение закончится и он образумится?

— Не в курсе, — отрапортовала я.

— А вы знаете, что у нас дочь? Она плачет уже две недели.

— Он сказал, что вам на него наплевать, — пролепетала я. Я вообще не понимала, что говорить. Первый раз в жизни я разговаривала с абсолютно чужой женщиной, с которой, как оказалось, не поделила мужчину. К этому разговору я не была готова.